

Д. И. Муренко**Социально-политические трансформации хрущевской «оттепели»
(на материалах комитета комсомола Томского государственного университета
1956—1957 гг.)**

В статье сделана попытка дать характеристику общественно-политической активности молодежи периода ранней «оттепели» на основе деятельности комитета комсомола Томского государственного университета. Рассмотрены основные практики политико-воспитательной работы ВЛКСМ в отношении студенческой молодежи. Источниковой базой исследования стали фонды Центра документации новейшей истории Томской области (ЦДНИТО), материалы периодической печати — университетская газета «За Советскую науку», печатный орган Томского обкома ВЛКСМ «Молодой ленинец», а также материалы устной истории. Сделан вывод о том, что с началом «оттепели» внедрение новых установок в учебный процесс, в частности отказ от догматизма в преподавании общественных наук, привели комсомольский актив к поиску новых форм работы с молодежью и формированию политической культуры активистского типа, которая нашла свое воплощение в стремлении расширить границы студенческого самоуправления, а также в общественно-политических дискуссиях.

Ключевые слова: студенчество, диспуты, «оттепель», политическая культура, пятидесятники, интеллигенция, общественные настроения, инакомыслие.

Актуальность исследования основывается на необходимости более комплексного изучения истории развития региональных научно-образовательных комплексов Западной Сибири, одним из аспектов которой является политическая активность молодежи. В ряде социологических исследований отмечается, что у большинства современных российских молодых людей доминируют пассивный тип политической культуры и нигилизм [13]. Причины подобного поведения можно искать не только в реалиях нынешней политической системы, но и в прошлом опыте советской эпохи, особенно в периоде хрущевской «оттепели», когда в сознании людей фактически произошла приватизация жизненного пространства, возникла отгороженность от власти, породившая двоемыслие и чувство вынужденного сосуществования с государством [21, с. 22].

Трактовка событий общественной жизни Томска конца 1950-х годов как проявления кризиса массового сознания не является новой. Еще с 1990-х годов публиковались статьи, посвященные психоисторическим аспектам хрущевской «оттепели» в Западной Сибири [1; 2; 14; 15; 21—23; 26—29]. По мнению историка М. С. Петренко, критика культуры личности И. В. Сталина на XX съезде КПСС привела к трансформации политического сознания советских людей, положив начало идейно-психологическому кризису в СССР, и в конечном счете к разлому общества [21, с. 14]. Приведенные выше исследования дают существенное представление об истории не только Томского государственного университета (ТГУ), но и других вузов Томска, а также о политических колебаниях между критикой Сталина и охранительными мерами, которые вылились в самое крупное репрессивное дело — арест в 1957 г. Э. Г. Юдина, в то время любимого студентами преподавателя философии Томского пединститута, а впоследствии — одного из основоположников системных исследований в СССР. В целом же деятельность комсомольских структур не являлась самостоятельным предметом изучения общественно-политической жизни ТГУ. Внимание большинства исследователей было сосредоточено на выявлении различного рода социально-политических девиаций, связанных с «демагогическими» выступлениями молодежи Томска, поскольку если в большинстве городов всплеск политической ак-

© Муренко Д. И., 2021

тивности, связанный с XX съездом, к лету 1956 г. ослаб, то в университетских городах среди студентов и молодых преподавателей он продолжался до зимы этого года.

Таким образом, актуальность исследования обусловлена не только осмыслением специфики общественных настроений среди молодежи в данный исторический период, но и возможностью расширения предметного и историографического поля исследования.

Цель исследования — выявить роль ВЛКСМ в процессе идейно-воспитательной работы комсомола со студенческой молодежью ТГУ в условиях социально-политических процессов ранней «оттепели» 1956—1957 гг. Для реализации этой цели ставятся задачи: охарактеризовать состояние комсомольской организации университета, определить основные формы и методы работы по идеологическому воспитанию и их воздействие на настроения молодежи, выявить влияние внешних факторов (политические события, взаимодействие с партийными и административными структурами) на политико-воспитательную деятельность комитета комсомола ТГУ.

Выделение комсомола как особого объекта исследования связано с тем, что в условиях Советского Союза политическая социализация представляла собой не только процесс постепенного включения молодежи в политическую систему, а прежде всего процесс воздействия массивной пропаганды и агитации, ведущая роль в котором отводилась структурам ВЛКСМ. Изучение степени этого воздействия на студенчество представляется особенно интересным, поскольку период обучения в вузе, по мнению социологов, охватывает ключевой этап становления ценностей, оформления жизненных установок, формирования политической культуры [20, с. 54].

Хронологические рамки исследования включают период с 1956 по 1957 г. и соотносятся с наиболее активными проявлениями «оттепельных» тенденций в общественно-политической жизни Томска — одного из главных образовательных центров Сибири, в котором преподаватели и студенты составляли значительную часть населения города.

Источниковой базой исследования стали архивные фонды Центра документации новейшей истории Томской области (ЦДНИТО), материалы периодической печати — университетская газета «За Советскую науку» и печатный орган Томского обкома ВЛКСМ «Молодой ленинец». Также был задействован ряд опубликованных архивных материалов и воспоминаний из сборника документов «Томские заморозки хрущевской оттепели» [27]. Важным дополнением источниковой базы явились материалы устной истории. В частности, удалось записать интервью с одним из немногих свидетелей и участников «томских заморозков» Ю. Д. Коломниковым [12]. После окончания ТГУ в 1957 г. Юрий Дмитриевич переехал в Новосибирск, а с 1961 г. стал сотрудником Института радиопизики и электроники Сибирского отделения Академии наук.

С учетом дифференцированной источниковой базы в исследовании применялся компаративный метод анализа источников, особенно успешно данная методика показала себя в сравнении сведений, почерпнутых из интервью, со сведениями, представленными тем же самым респондентом 64 года назад на страницах университетской печати.

Прежде чем говорить о деятельности комсомольской организации ТГУ, важно понимать, что и сам учебный процесс выполнял значительные политико-социализирующие функции. В 1956 г. в томских вузах начался ряд мероприятий по реализации решений XX съезда КПСС и по внедрению в учебный, научный и политико-воспитательный процесс новых установок. Стали пересматриваться учебные планы, характер, направление и содержание научно-педагогической работы и даже стиль преподавания. С одной стороны, предполагалось сократить число обязательных занятий и предоставить студентам больше самостоятельности, с другой — это неизбежно вело к усилению контроля и повышению требовательности к ним.

18 июня 1956 г. было принято постановление ЦК КПСС «О преподавании в высших учебных заведениях политической экономии, диалектического и исторического материализма и истории КПСС», согласно которому с 1956/57 учебного года в вузах вместо единого курса «Основы марксизма-ленинизма» вводилось преподавание трех самостоятельных дисциплин: диалектического и исторического материализма, политической экономии и истории КПСС. Последний должен быть освобожден от излишнего синтеза с идеологией и выполнять конкретные познавательные историко-партийные функции. Реализация этого постановления, по мнению партийного руководства, должна была оказать положительное воздействие на улучшение работы по формированию молодых специалистов в духе марксизма-ленинизма, «воспитанию их убежденными, сознательными строителями коммунизма» [29, с. 69—70].

Основную роль в политическом воспитании студентов играли преподаватели-обществоведы. В марте 1956 г. на историко-филологическом факультете состоялось обсуждение доклада профессора К. П. Ярошевского на тему «Творческое развитие марксистско-ленинской теории XX съездом партии» [3]. Главную задачу всех преподавателей профессор видел в окончательном преодолении догматизма, доктринерства, начетничества во всех областях идеологической работы. Сущность догматизма заключалась в отрешенности от жизни, от практики, в превращении теории в сумму застывших положений, нетворческом подходе к изучаемым явлениям. По мнению К. П. Ярошевского, несколько причин обусловили доминирование догматизма: отсутствие связи с жизнью и практикой социалистического строительства, распространение культа личности, чиновничий подход к решению научных вопросов, исходя из принципа «как бы чего не вышло» [4]. В ноябре 1956 г. на отчетно-выборном собрании старший преподаватель кафедры философии ТГУ Н. Ф. Бабушкин в своем выступлении говорил о ненужности излишнего опекуновства над комсомолом, над студентами, которое иногда принимало уродливые формы: «Не опекать, а руководить, развязывать здоровую инициативу молодежи, — призывал Бабушкин. Больше самостоятельности, самостоятельности в работе комсомольских организаций» [8].

Отход от привычных практик был подхвачен и комсомольской организацией университета, факультетские комсомольские организации которого к 1956 г. насчитывали в своих рядах около 3500 человек [31, л. 2]. Поскольку комсомольская организация университета являлась второй по численности комсомольской организацией в городе, комитету ВЛКСМ ТГУ в 1956 г. предоставили статус прав райкома в вопросах приема в члены ВЛКСМ и учета. В то же время это привело к тому, что на некоторых факультетах комсомольские бюро уже не могли с должной оперативностью руководить комсомольцами, поэтому, чтобы улучшить организацию работы, комитет ВЛКСМ решил провести выборы курсовых бюро. Еще в 1955 г. первые курсовые бюро были избраны на историко-филологическом, биолого-почвенном и юридическом факультетах. Опыт оказался весьма удачным. Комсомольские руководители стали больше вникать в дела групп, каждого комсомольца. Однако разросшаяся управленческая структура ощущала нехватку руководителей, способных обеспечить «живое руководство комсомольской работой» [5]. При этом в деятельности главного низового организационного звена — студенческой комсомольской группы было много формализма, а комсорг зачастую выбирался по принципу «лишь бы не меня» [30, л. 17]. Нередко комитет комсомола ТГУ вынужден был «чистить» свой управленческий актив, и комсорги, которые не вели никакой работы, исключались из рядов ВЛКСМ [31, л. 6]. Несмотря на кадровые проблемы, в комсомоле ТГУ имелись лидеры, особенно из числа молодых преподавателей, пользовавшиеся большим уважением студентов и влиявшие на их умонастроения.

Помимо общеобразовательных функций на комсомольскую группу также возлагалась задача «правильного» политического просвещения студентов. Комсомол должен был регулярно проводить политические занятия, которые сводились в основном к пересказу прочитанных газет и не представляли интереса для большинства молодежи. Зачастую занятия проводились лишь на бумаге. Постепенно среди студентов стали появляться мнения о том, что политинформации себя изжили и их необходимо отменить. Так, в 757-й группе радиофизического факультета ТГУ на комсомольском собрании приняли решение не проводить политинформации, поскольку люди на втором курсе «уже взрослые и политически грамотные». Пятикурсники также считали себя выросшими из этой формы повышения политической грамотности [31, л. 8, 16]. По воспоминаниям бывших студентов, куда большее влияние на формирование политического мировоззрения оказывало прослушивание радиостанций «Голос Америки» и «Би-би-си» [12].

Для повышения политической компетентности студентов комсомолом и партийным комитетом ТГУ использовались привычные методы и формы агитации — устраивались митинги и демонстрации, как правило, посвященные вопросам внешней политики. Так, 12 ноября 1956 г. сотни студентов и преподавателей выразили протест против англо-франко-израильской интервенции в Египте. Участники митинга единодушно приняли резолюцию, в которой требовали «немедленного вывода всех иностранных войск с египетской земли» [7]. В мае 1957 г. на ряде других факультетов прошли митинги протеста против испытаний атомного и водородного оружия [11]. Таким образом, политические мероприятия, устраиваемые комитетом комсомола университета, имели влияние не только на комсомольский актив, но и на остальных студентов.

В 1956 г. при городском комитете комсомола был создан Совет старейших коммунистов, участников гражданской войны и комсомольцев первых лет Советской власти, задачей которого являлось политическое воспитание молодежи на основе революционного прошлого. Такая пропаганда, героизируя прошлый опыт партизанской борьбы, порой действительно способствовала формированию у студенческой молодежи советской идентичности. С другой стороны, постоянный акцент на «подвигах отцов», оформленный зачастую в виде мероприятий «для галочки», лишь усиливал здоровый прагматизм и аллергию ко всякого рода ритуальным заклинаниям в идеологической сфере, что иногда выражалось в саботировании подобных собраний. Так, в 1957 г. сорвалась встреча студентов ТГУ со старыми коммунистами и ветеранами революции. Организаторы мероприятия отмечали: «В пустом актовом зале в ожидании студентов сидели старые люди, а напротив в общепите слышалась джазовая музыка и лишь несколько студентов пришли на встречу» [31, л. 3].

Комитет комсомола ТГУ привлекал студентов к агитационной работе во время выборов в краевые, областные, окружные, районные, городские Советы депутатов. Студенты должны были посещать избирателей. Однако отсутствие реальных стимулов, а также загруженность в период экзаменационной сессии приводили к тому, что агитаторы уклонялись от своей обязанности.

В октябре 1956 г. состоялась XI отчетно-выборная комсомольская конференция ТГУ, которая категорически осудила догматизм в комсомольской работе. Атмосферой того времени была не только демократизация сознания, но и борьба за более демократические методы и формы работы. Новым начинанием стало то, что темы политинформаций перестали «спускаться сверху» факультетскими бюро ВЛКСМ, комсомольцы получили право самостоятельно выбирать тематику комсомольских собраний, а последние постепенно меняли свою привычную форму и превращались в диспуты, которые до этого не проводились. Также в практику комсомольской работы вошли «культэстафеты», когда каждый

готовил небольшой доклад, а после выступления передавал очередь другому [6]. Тематика многих диспутов выбиралась произвольно. Зачастую обсуждались самые жизненные темы, не связанные с политикой, а в основном касающиеся студенческой жизни. Конечно же, в то время диспуты не являлись отличительной чертой исключительно комсомольской организации ТГУ. Во второй половине 1950-х гг. они стали широко популярны на всесоюзном уровне. Особенность заключалась лишь в том, что среди учащейся молодежи эта форма активности наиболее поощрялась, поскольку считалось, что советский студент должен владеть искусством диалектики.

Одновременно с практикой внедрения диспутов в студенческую жизнь развернулось движение за улучшение бытовых условий и учебно-воспитательного процесса. С 1956 г. в студенческой печати стали публиковаться статьи о введении свободного посещения лекций, за пропуски которых деканаты лишали стипендии даже тех, кто показывал хорошие результаты в учебе. Между противниками и сторонниками этой меры на страницах комсомольской прессы развернулась острая дискуссия. Студент С. Д. Творогов, в последующем доктор физико-математических наук и преподаватель ТГУ, утверждал, что посещать все лекции подряд и потом заниматься дополнительным изучением материала практически невозможно [18]. Студенты объясняли необходимость введения свободного расписания и тем, что сложившаяся в вузах система школярства и натаскивания привела к снижению уровня творческого мышления у выпускников [19]. Многие преподаватели выступали против введения выборочного посещения лекций. В частности, декан геолого-географического факультета М. П. Кортусов объяснял свою позицию тем, что свободное расписание может привести только к снижению качества подготовки специалистов [10].

Не ожидая введения свободного расписания от руководства вуза, некоторые студенты самостоятельно переходили на него, что не могло не вызвать ужесточения контроля над обучающимися. Для этого в 1956 г. в помощь комсомолу на кафедрах, в лабораториях, мастерских университета создавались партийные группы, призванные руководить политико-воспитательной работой среди студентов и не допускать ситуаций, когда в ряде случаев комсомольцы пытались «администрировать, командовать, ставить под свой контроль работу деканата и преподавателей» [10]. По всей видимости, в данной формулировке отражен инцидент, имевший место в 1956 г., когда, по словам ректора ТГУ А. П. Бунтина, группа студентов-физиков явилась непосредственно к декану одного из факультетов и потребовала снять курс, поскольку он стал им неинтересен [27, с. 126].

Стремление студентов к большей самостоятельности отмечено рядом инициатив по развитию самоуправления и расширению роли студенческих советов, которые выполняли функцию санитарных комиссий общежитий. Так, в марте 1956 г. члены студенческого совета общежития по ул. Никитина, 17 на страницах комсомольской газеты высказывали мнение, что студсоветы должны не только следить за поддержанием чистоты в общежитиях, но и заниматься организацией кружков художественной самодеятельности, работой буфетов, столовых, физическим воспитанием студентов. Предполагалось, что студсоветы в скором времени станут «боевыми органами, стоящими на защите интересов студентов», оказывающими большую помощь общественным организациям в воспитательной работе [17]. В отчетном докладе комитета ВЛКСМ ТГУ за 1956/57 учебный год отмечалось, что реорганизованные студсоветы должны оказывать значительную помощь комсомолу в наведении порядка в общежитиях [31, л. 20].

Неустроенность студенческого быта, недовольство организацией учебного процесса, а также стремление к большей демократизации нашли отражение в конце 1957 г.: по

инициативе комсомольской организации прошли собрания-диспуты, на которых были выдвинуты требования, в том числе и политического характера.

2 декабря 1956 г. на физическом факультете прошло комсомольское собрание-диспут на тему «Чем, по-твоему, должен заниматься комсомол, и каким ты хочешь его видеть». Диспут длился шесть часов и вызвал у студентов большой интерес, прошел очень оживленно. Многие выступали с места. Так, Ю. Д. Коломников с негодованием заявил, что вместо установки стенда к XX съезду следовало потратить эти деньги на освещение читального зала и ремонт прачечной: «Коммунизм представляют иногда как “рай да кущи”. Я понимаю коммунизм как движение: если сегодня в актовом зале плохой свет, а завтра будет нормальный, это значит, что мы строим коммунизм; если сегодня не всем хватает общежития, а завтра будут жить все в нормальных условиях, это значит, что мы строим коммунизм» [9]. Несколько выступивших на форуме студентов сравнивали бюрократов с хулиганами, борьба с которыми являлась обязанностью всех комсомольцев [18]. В конце собрания студенты составили постановление, которое потребовало от комитета ВЛКСМ ТГУ разобраться с неудовлетворительной постановкой общественного питания в студенческих столовых, устранить все неполадки в общежитиях, ввести свободное расписание на старших курсах. Студенты физфака предлагали повысить возраст приема в комсомол до 16—17 лет и ограничить его более жесткими условиями, что требовало внесения изменений в устав ВЛКСМ. В целях улучшения политико-воспитательной работы студенты предлагали более полно информировать их по вопросам внутренней и внешней политики, опираясь на материалы коммунистической печати и радио стран народной демократии. Комсомольцы требовали от горкома и обкома ВЛКСМ, чтобы перед проведением всех важнейших мероприятий проходило предварительное обсуждение их в низовых комсомольских организациях. Особенно это касалось отправки студентов в колхозы, которые, по мнению студентов, могли обойтись и без их помощи [27, с. 109—113]. Вспоминая события 64-летней давности, Ю. Д. Коломников отмечал, что не было ничего крамольного в тех предложениях, студенты хотели всего лишь улучшить работу комсомола, а «не только взносы собирать» [12].

Настроения, озвученные на собрании физфака, получили продолжение на общеуниверситетском диспуте, состоявшемся 16 декабря 1956 г. Ответственным за его проведение был заместитель секретаря комитета комсомола, молодой преподаватель физики А. Э. Конторович, впоследствии ставший выдающимся ученым и академиком РАН. Алексей Эмильевич вспоминал: «В тот сложный, напряженный момент члены парткома ТГУ растерялись, нами — комсомолом — особенно никто не занимался, и мы решали возникшие проблемы сами. Мы, комсомольские активисты университета, понимали, что обычными методами возникшую ситуацию не решить, что лучше провести открытое обсуждение» [27, с. 19].

Главным событием на диспуте стало выступление студента третьего курса геолого-географического факультета Г. Ф. Швейника. Он заявил о ненужности комсомола и об отсутствии комсомольской работы в вузе из-за того, что в комсомол принимают огульно и он превратился в «богачество для немощных». Данное высказывание навряд ли дает объективную характеристику, скорее демонстрирует тот факт, что комсомол не был монолитной организацией в идейном отношении. Как указывает историк А. А. Слезин, внутри ВЛКСМ в середине 1950-х годов присутствовали силы, если не осознавшие четко, что делать молодежи дальше, то, по крайней мере, убежденные в необходимости перемен [25]. Швейник предложил ряд поправок к уставу ВЛКСМ: ввести кандидатский стаж, не преследовать за выход из комсомола, прекратить глушение зарубежных радиостанций, снабдить библиотеки реакционными зарубежными газетами. Поскольку отец Швейника

являлся политическим заключенным, в речи студента-геолога прозвучал вопрос: кто же ответит за то, что его отца 17 лет «гноили в застенках КГБ». Выступление Швейника было встречено аплодисментами [26, с. 169—170; 27, с. 14].

Свидетели и участники описываемых событий утверждали, что ситуация в комсомольской организации ТГУ вышла из-под контроля, что также отражено в воспоминаниях А. Э. Конторовича: «Я сразу понял, что если диспут пойдет дальше в таком стиле, то ничего хорошего это никому не сулит. Пользуясь правом председателя, я выбирал проверенных ребят из зала, не давая слово тем, в ком был не уверен. Но по мере того как шел диспут, стало заметно, что в зал просачиваются незнакомые люди в серых костюмах. Я прекрасно понял, что к чему, к чему это все ведет. У всех было ощущение, что мы приняли участие в каком-то не очень хорошем деле» [27, с. 20]. Также тон задавал студенческий лидер, молодой преподаватель, один из руководителей университетского комсомола, кандидат в члены КПСС Н. С. Черкасов. На диспуте он поддержал высказывание Швейника о необходимости большей самостоятельности комсомола.

Вскоре последовали репрессивные меры. Начались разбирательства на всех факультетах университета. По воспоминаниям А. Э. Конторовича, в ходе заседания парткома университета А. П. Бунтин назвал выступавших студентов «хитрыми и умными врагами народа». «Я запомнил эти слова на всю жизнь. И этого я перенести не мог. У меня только что (за два месяца до этих событий) реабилитировали отца, которого расстреляли в 1937 г. ... Я выступил и сказал, что не могу согласиться, никакие они не “враги народа”, это нормальные наши советские парни и ничего плохого они своей стране не желают, они просто дураки и говорили глупости» [27, с. 20—21].

9 января 1957 г. Томским обкомом КПСС принято решение «О политико-воспитательной работе среди студентов ТГУ». В ходе последовавших разбирательств главным виновником и организатором диспута объявили А. Э. Конторовича, хотя, согласно его воспоминаниям, на данное мероприятие он был приглашен случайно, как заместитель секретаря комитета ВЛКСМ, которая не смогла присутствовать по причине болезни [27, с. 19]. В отношении наиболее активных участников комсомольских диспутов были приняты как дисциплинарные, так и меры административного воздействия. Партийное собрание физического факультета исключило А. Э. Конторовича из рядов КПСС, затем его уволили из университета. Вскоре он покинул Томск и строил свою карьеру уже в Новосибирском научном центре. Н. С. Черкасов также был исключен из кандидатов в члены КПСС и уволен с работы. Многие студенты, сочувствуя любимому преподавателю, даже собрали деньги ему на подарок [28, с. 90].

После общеуниверситетских собраний бурление среди студентов не прекратилось. Администрации вуза стало известно, что вопросы, которые обсуждались на диспутах, теперь широко циркулировали в комнатах общежитий [27, с. 123]. Некоторые члены парткома ТГУ в данной ситуации предлагали даже «пойти по комнатам, чтобы дать бой нездоровым, враждебным, злобным настроениям отдельной части студентов» [27, с. 123].

Швейника арестовали и в марте 1957 г. за распространение «вредных взглядов», «антисоветскую речь» приговорили к пяти годам лишения свободы. По словам Ю. Д. Коломникова, его, как и остальных участников диспута, допрашивали в местном КГБ, угрожая отчислением из вуза, если он не даст ложные показания против Швейника, приписывая последнему антисоветские высказывания, которые он не говорил [12]. Интересно, что некоторые из тех, кто еще вчера говорил о «борьбе с культом личности и догматизмом», после случившегося заняли позицию обвинения и принимали активное участие в осуждении студентов и преподавателей. Например, известно, что профессор К. П. Ярошевский и доцент Б. И. Лещинер являлись экспертами на закрытом заседании Судебной коллегии

Томского областного суда, судившей вначале Э. Г. Юдина, а потом и Г. Ф. Швейника [27, с. 17]. Данный факт еще раз продемонстрировал ограниченную «амплитуду» политических трансформаций «оттепели», что нашло отражение в неспособности штатных идеологов более гибко воспринимать «новую реальность», за которую так активно ратовали.

После проведения комсомольских диспутов в комсомольской жизни университета начался консервативный поворот, который ознаменовал свертывание многих демократических инициатив молодежи. Диспуты как форма политического и культурного воспитания практически перестали использоваться. На совещании Томского обкома КПСС с директорами и секретарями парторганизаций вузов ректор университета А. П. Бунтин сообщал: «Мы часто практиковали обязательно кричащую тему, которая не совсем определена по содержанию, и приучили комсомольцев к такой системе дискуссий. Сейчас имеется решение партийного комитета о том, что такие дискуссии следует прекратить» [27, с. 125].

Подводя итог, отметим, что политико-социализирующие функции комсомольской организации университета были встроены в общую систему идеологического воспитания и имели свои границы. Начало «оттепели» и такие политические события, как XX съезд КПСС и критика культа личности Сталина, несколько демократизировали общественную среду ТГУ. Комсомол стал рассматриваться многими студентами не просто как «приводной ремень» партии, а как платформа для отстаивания интересов молодежи. В практику вошли такие новые формы работы, как диспуты, которые становились трибуной для проявления свободомыслия, хотя и довольно ограниченного, по сути не выходящего за пределы официальной идеологии.

В основном же комитетом ВЛКСМ ТГУ продолжали использоваться традиционные методы идеологического воспитания в виде политкружков и политинформаций, которые не могли конкурировать с западными радиостанциями, столь популярными среди некоторой части студентов. В результате этого, на первый взгляд, основная масса комсомольцев занимала лояльную позицию по отношению к власти, в реальности же речь скорее всего шла о мнимом принятии спускаемых партией и комсомолом установок.

Вспоминая студенческие годы, Ю. Д. Коломников отмечал, что среди комсомольцев практически не было антисоветских настроений, поскольку преподаватели основ марксизма-ленинизма очень хорошо заботились о политическом воспитании молодежи [12]. Однако всем известно, что подобное «воспитание» основывалось на начетничестве и зубрежке. Именно поэтому, когда дело доходило до открытых дискуссий и обсуждения альтернативных точек зрения на политику государства, активных защитников официальной «линии» находилось немного. Во многом такая ситуация объясняется не только уровнем политической компетентности и эрудированности студентов, но и тотальным идеологическим доминированием одной партии и отсутствием культуры свободного политического дискурса. Тем не менее даже ростки студенческого инакомыслия навряд ли можно отнести к проявлению антисоветского диссидентства. Скорее речь шла о незначительном раскрепощении и реализации модели социализма с человеческим лицом.

Логика развития комсомольской организации ТГУ в конце 1950-х гг. характерна для всего комсомола, который находился в состоянии нарастающего кризиса и выбора путей дальнейшего развития. Одним из альтернативных вариантов являлась качественная перестройка всего союза молодежи, подразумевающая относительную демократизацию и децентрализацию (хотя бы его низовых структур), с выделением полномочий для более открытого обсуждения и решения проблем молодежной политики, тем более что ресурсы и силы энтузиастов тогда еще для этого были. Однако социально-политические условия хрущевской «оттепели», весьма ограниченной по своей глубине, не позволили пойти по данному пути развития.

Список использованных источников и литературы

1. Андреев В. П. Послесталинская «оттепель» в Томске // *Общественно-политическая жизнь Сибири. XX век : межвуз. сб. науч. тр. / науч. ред. А. Г. Борзенков. Новосибирск : Новосиб. гос. ун-т, 1997. Вып. 2. С. 94—102.*
2. Брель В. Н. Некоторые особенности общественно-политической жизни в СССР в условиях кризиса политики оттепели (на материалах Западной Сибири) // *Интеллектуальный и индустриальный потенциал регионов России : материалы IV Всерос. науч. чтений, г. Кемерово, 22 сент. 2006 г. Кемерово : Кузбассвуиздат, 2006. С. 253—256.*
3. За Советскую науку (Томск). 1956. № 12.
4. За Советскую науку (Томск). 1956. № 19.
5. За Советскую науку (Томск). 1956. № 32.
6. За Советскую науку (Томск). 1956. № 34.
7. За Советскую науку (Томск). 1956. № 38.
8. За Советскую науку (Томск). 1956. № 39.
9. За Советскую науку (Томск). 1956. № 41.
10. За Советскую науку (Томск). 1956. № 43.
11. За Советскую науку (Томск). 1957. № 21.
12. Коломников Ю. Д. Интервью в Новосибирске 02.06.2020 // *Личный архив автора.*
13. Копаева Е. В., Котова К. А., Лисова С. Ю. Политическая активность студенческой молодежи: проблемы и тенденции // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов : Грамота, 2017. № 6 (80). Ч. 1. С. 82—86.*
14. Корнева Л. Е. Политическая и культурная жизнь Западной Сибири в «хрущевское десятилетие» (по материалам периодической печати) / науч. ред. Л. И. Боженко. Томск : Томский гос. ун-т, 2004. 126 с.
15. Кузнецов И. С. «Оттепель» и психоисторические предпосылки российской демократизации: сибирский пунктир // *История Сибири: человек, общество, государство : сб. науч. тр. / науч. ред. В. И. Шишкин ; Новосибирск : Новосиб. гос. ун-т, 1995. С. 100—122.*
16. Кузнецов И. С. Советский тоталитаризм: очерк психоистории. Новосибирск : Новосиб. гос. ун-т, 1995. 156 с.
17. Молодой ленинец (Томск). 1956. № 27.
18. Молодой ленинец (Томск). 1956. № 147.
19. Молодой ленинец (Томск). 1956. № 149.
20. Павловский В. В. Ювентология: проект интегративной науки о молодежи. М. : Академический Проект, 2001. 304 с.
21. Петренко М. С. Политическое сознание в России в 1950-е гг.: начало идейно-психологического кризиса (на материалах Западной Сибири) // *Известия Томского политехнического университета. 2014. Т. 324, № 6. С. 14—25.*
22. Петренко М. С. Общественно-политические настроения интеллигенции в Западной Сибири в 1950-е // *Общественно-политическая жизнь Сибири. XX век : межвуз. сб. науч. тр. / науч. ред. А. Г. Борзенков. Новосибирск : Новосиб. гос. ун-т, 1997. Вып. 2. С. 86—94.*
23. Петренко М. С. Усиление деструктивных тенденций в обществе в 1950-е годы: Западносибирский вариант // *Моя Сибирь: вопросы региональной истории и исторического образования : сб. науч. тр. / под ред. В. А. Зверева. Новосибирск : Новосиб. гос. пед. ун-т, 2002. С. 103—111.*
24. Подхомутникова М. В. Политическая активность молодежи как важный компонент политического процесса в России // *Теория и практика общественного развития. 2012. № 4. С. 229—232.*
25. Слезин А. А. «Послесъездовский синдром» в комсомоле // *Genesis: исторические исследования. 2016. № 5. С. 231—239.*
26. Сизов С. Г. Интеллигенция и власть в советском обществе в 1946—1964 гг. (На материалах Западной Сибири) : в 2 ч. Ч. 2. Оттепель (март 1953 — 1964 г.). Омск : Изд-во СибАДИ, 2001. 228 с.
27. Томские заморозки хрущевской оттепели : [сб. документов и материалов] / ред. Ю. В. Куперт, Л. Н. Приль ; сост. Л. Н. Приль. Томск : Томский гос. ун-т, 2010. 302 с.
28. Хаминов Д. В. Общественно-политическая жизнь и идеологические кампании на историко-филологическом факультете Томского государственного университета во второй половине 1940-х — 1950-е гг. // *Вестник Томского государственного университета. 2011. № 347. С. 88—91.*
29. Хаминов Д. В. «Оттепель» для провинциальных историков: содержание, противоречия, неоправдавшиеся надежды // *Новый исторический вестник. 2018. № 4. С. 63—87.*
30. Центр документации новейшей истории Томской области (ЦДНИТО). Ф. 1963. Оп. 1. Д. 49.
31. ЦДНИТО. Ф. 1963. Оп. 1. Д. 50.

Поступила в редакцию 16.10.2020

Муренко Денис Игоревич, аспирант

Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук

Российская Федерация, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8

E-mail: denismurenko@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-6389-488X

UDC 94(571)“1956/57”

D. I. Murenko

Socio-political transformations of the Khrushchev “thaw” (based on the materials of the Komsomol Committee of Tomsk State University 1956—1957)

The article attempts to characterize the socio-political activity of young people during the early “thaw” on the basis of the activities of the Komsomol Committee of Tomsk State University. The main practices of political and educational work of Komsomol in relation to student youth are considered. The source base of the study was the funds of the Center of Documentation of the Latest History of the Tomsk Region, periodical materials — the university newspaper “For Soviet Science”, the printed organ of the Tomsk Regional Committee of the Komsomol “Young Leninist”, as well as oral history materials. It was concluded that with the beginning of the “thaw”, the introduction of new attitudes into the educational process, in particular the rejection of dogmatism in teaching social sciences, stimulated the Komsomol activists to search for new forms of work with young people and lead to the formation of an activist-type political culture, which found embodiment in the desire to expand the boundaries of student self-government, as well as in socio-political discussions.

Key words: students, disputes, “thaw”, political culture, men of the Fifties, intelligentsia, public sentiment, dissents.

Murenko Denis Igorevich, Postgraduate Student

Institute of History of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences

Russian Federation, 630090 Novosibirsk, ul. Nikolaeva, 8

E-mail: denismurenko@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-6389-488X

References

1. Andreev V. P. Poslestalinskaya “otpepel” v Tomske [Post-Stalinist “thaw” in Tomsk]. *Obshchestvenno-politicheskaya zhizn' Sibiri. XX vek: mezhvuz. sbornik nauch. trudov* [Social and political life of Siberia. XX century. Interuniversity collection of scientific works]. Novosibirsk, Novosib. gos. un-t Publ., 1997, is. 2, pp. 94—102. (In Russian)
2. Brel' V. N. Nekotorye osobennosti obshchestvenno-politicheskoi zhizni v SSSR v usloviyakh krizisa politiki otpepli (na materialakh Zapadnoi Sibiri) [Some features of social and political life in the USSR in the context of the crisis of the thaw policy (based on materials from Western Siberia)]. *Intellektual'nyi i industrial'nyi potentsial regionov Rossii: materialy IV Vseros. nauch. chtenii, g. Kemerovo, 22 sent. 2006 g.* [Intellectual and industrial potential of the regions of Russia. Materials of the IV All-Russia scientific readings, Kemerovo, 22 Sept. 2006]. Kemerovo, Kuzbassvuzizdat Publ., 2006, pp. 253—256. (In Russian)
3. *Za Sovetskuyu nauku (Tomsk)*, 1956, no. 12.
4. *Za Sovetskuyu nauku (Tomsk)*, 1956, no. 19.
5. *Za Sovetskuyu nauku (Tomsk)*, 1956, no. 32.
6. *Za Sovetskuyu nauku (Tomsk)*, 1956, no. 34.
7. *Za Sovetskuyu nauku (Tomsk)*, 1956, no. 38.
8. *Za Sovetskuyu nauku (Tomsk)*, 1956, no. 39.
9. *Za Sovetskuyu nauku (Tomsk)*, 1956, no. 41.
10. *Za Sovetskuyu nauku (Tomsk)*, 1956, no. 43.
11. *Za Sovetskuyu nauku (Tomsk)*, 1957, no. 21.
12. Kolomnikov Yu. D. Interv'yu v Novosibirske 02.06.2020 [Interview in Novosibirsk 06/02/2020]. *Lichnyi arkhiv avtora* [Personal archive of the author]. (In Russian)

13. Копеева Е. В., Котова К. А., Лисова С. Ю. Politicheskaya aktivnost' studencheskoi molodezhi: problemy i tendentsii [Political activity of student youth: problems and tendencies]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. Tambov, Gramota Publ., 2017, no. 6 (80), part 1, pp. 82—86. (In Russian)
14. Korneva L. E. *Politicheskaya i kul'turnaya zhizn' Zapadnoi Sibiri v "khrushchevskoe desyatiletie" (po materialam periodicheskoi pechati)* [Political and cultural life of Western Siberia in the "Khrushchev decade" (based on materials from periodicals)]. Tomsk, Tomskii gos. un-t Publ., 2004. 126 p. (In Russian)
15. Kuznetsov I. S. "Ottepel'" i psikhistoricheskie predposylki rossiiskoi demokratizatsii: sibirskii punktir ["Thaw" and psychohistorical preconditions of Russian democratization: Siberian dotted line]. *Istoriya Sibiri: chelovek, obshchestvo, gosudarstvo: sbornik nauch. trudov* [History of Siberia: man, society, state. Collection of scientific works]. Novosibirsk, Novosib. gos. un-t Publ., 1995, pp. 100—122. (In Russian)
16. Kuznetsov I. S. *Sovetskii totalitarizm: ocherk psikhistorii* [Soviet totalitarianism: an outline of psychohistory]. Novosibirsk, Novosib. gos. un-t Publ., 1995. 156 p. (In Russian)
17. *Molodoi leninets (Tomsk)*, 1956, no. 27.
18. *Molodoi leninets (Tomsk)*, 1956, no. 147.
19. *Molodoi leninets (Tomsk)*, 1956, no. 149.
20. Pavlovskii V. V. *Juventologiya: projekt integrativnoi nauki o molodezhi* [Juventology: an integrative youth science project]. Moscow, Akademicheskii Proekt Publ., 2001. 304 p. (In Russian)
21. Petrenko M. S. Politicheskoe soznanie v Rossii v 1950-e gg.: nachalo ideino-psikhologicheskogo krizisa (na materialakh Zapadnoi Sibiri) [Political consciousness in Russia in 1950s: beginning of ideological and psychological crisis (materials of Western Siberia)]. *Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta — Bulletin of the Tomsk Polytechnic University*, 2014, vol. 324, no. 6, pp. 14—25. (In Russian)
22. Petrenko M. S. Obshchestvenno-politicheskie nastroyeniya intelligentsii v Zapadnoi Sibiri v 1950-e [Social and political moods of the intelligentsia in Western Siberia in the 1950s]. *Obshchestvenno-politicheskaya zhizn' Sibiri. XX vek: mezhvuz. sbornik nauch. trudov* [Social and political life of Siberia. XX century. Interuniversity collection of scientific works]. Novosibirsk, Novosib. gos. un-t Publ., 1997, is. 2, pp. 86—94. (In Russian)
23. Petrenko M. S. Usilenie destruktivnykh tendentsii v obshchestve v 1950-e gody: Zapadnosibirskii variant [Strengthening destructive tendencies in society in the 1950s: West Siberian version]. *Moya Sibir': voprosy regional'noi istorii i istoricheskogo obrazovaniya: sbornik nauch. trudov* [My Siberia: issues of regional history and historical education. Collection of scientific works]. Novosibirsk, Novosib. gos. ped. un-t Publ., 2002, pp. 103—111. (In Russian)
24. Podkhomutnikova M. V. Politicheskaya aktivnost' molodezhi kak vazhnyi komponent politicheskogo protsessa v Rossii [Political activity of young people as an important component of the political process in Russia]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. — Theory and Practice of Social Development*, 2012, no. 4, pp. 229—232. (In Russian)
25. Slezin A. A. "Posles"ezdovskii sindrom" v komsomole ["Post-congress syndrome" in Komsomol]. *Genesis: istoricheskie issledovaniya — Genesis: Historical Research*, 2016, no. 5, pp. 231—239. DOI: 10.7256/2409-868X.2016.5.20237. (In Russian)
26. Sizov S. G. *Intelligentsiya i vlast' v sovetskom obshchestve v 1946—1964 gg. (Na materialakh Zapadnoi Sibiri): v 2 ch. Ch. 2. Ottepel' (mart 1953 — 1964 g.)* [Intellectuals and power in Soviet society in 1946—1964. (Based on materials from Western Siberia). In 2 pts, pt. 2. Thaw (March 1953 — 1964)]. Omsk, SibADI Publ., 2001. 228 p. (In Russian)
27. Pril' L. N. (comp.) *Tomskie zamorozki khrushchevskoi ottepei: (sbornik dokumentov i materialov)* [Tomsk frosts of the Khrushchev thaw. (Collection of documents and materials)]. Tomsk, Tomskii gos. un-t Publ., 2010. 302 p. (In Russian)
28. Khaminov D. V. Obshchestvenno-politicheskaya zhizn' i ideologicheskie kampanii na istoriko-filologicheskome fakul'tete Tomskogo gosudarstvennogo universiteta vo vtoroi polovine 1940-kh — 1950-e gg. [Political life and ideological campaigns at the Department of History and Philology of Tomsk University in 1940s—1950s]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta — Tomsk State University Journal*, 2011, no. 347, pp. 88—91. (In Russian)
29. Khaminov D. V. "Ottepel'" dlya provintsial'nykh istorikov: sodержanie, protivorechiya, neopravdavshiesya nadezhdy [Khrushchev's "thaw" for provincial historians: contents, contradictions, and unmet expectations]. *Novyi istoricheskii vestnik — The New Historical Bulletin*, 2018, no. 4, pp. 63—87. (In Russian)
30. *Tsentr dokumentatsii noveishei istorii Tomskoi oblasti* [Center for Documentation of the Contemporary History of the Tomsk Region] (TsDNITO). F. 1963. Op. 1. D. 49.
31. TsDNITO. F. 1963. Op. 1. D. 50.